

ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена проблеме эвтаназии в контексте социально-философского и правового дискурса. В современном обществе эвтаназия нередко рассматривается как выражение права индивида свободно распоряжаться своей жизнью. Между тем само понятие о человеке, которое сложилось в новоевропейской культуре и социальной философии, остается достаточно неопределенным и слабо формализованным. Данное обстоятельство ставит под сомнение целесообразность легализации эвтаназии в современных условиях.

Ключевые слова: эвтаназия, культура, философия, общество, права человека, жизнь и смерть, биоэтика, дуализм.

Эвтаназия – это осуществляемое медицинским целенаправленное ускорение смерти тяжело больного человека, обосновываемое, как правило, соображениями безнадежности его состояния и избавления от страданий.

Феномен эвтаназии проблематизируется в наши дни как одно из выражений нарастающей в современном обществе «автономизации» – тенденции по расширению возможностей свободного волеизъявления со стороны агента современного социума, автономного выбора им собственной жизненной позиции, включая право беспрепятственно распоряжаться своей жизнью, в том числе и прерывать ее при содействии врачей. Сторонники признания эвтаназии законодательно регламентированной практикой рассматривают ее в качестве акта предельного личностного самоопределения, которое, в свою очередь, возводят к аксиоматике «основных, неотъемлемых и естественных прав человека», впервые политически постулированной в Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) и включающей в себя право на жизнь, свободу, достоинство и т. д.

Между тем вплоть до последних десятилетий XX в. эвтаназия оставалась под запретом в медицине, осуждалась в обществе и преследовалась по закону. Эвтаназия, практиковавшаяся в Германии 30-х гг. в рамках доктрины «расовой гигиены», была единодушно осуждена мировой общественностью, а обвинительный приговор, вынесенный в 1947 г. делу нацистов-медиков, лег в основу ряда медицинских кодексов, недвусмысленно отторгавших ее.

Однако принятое в 1976 г. решение суда штата Нью-Джерси в США об отключении жизнеподдерживающей аппаратуры у молодой пациентки с длительной утратой созна-

ния не только стало первым актом легализации эвтаназии в новейший период [1], положив начало дискуссиям, в которых впервые за 2500 лет были подвергнуты сомнению непоколебимые прежде нормативы клятвы Гиппократова, включая содержащийся в ней запрет на эвтаназию («я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла»), но и открыло целую череду судебных разбирательств как по поводу *пассивной эвтаназии*, т.е. прекращения жизнеподдерживающих и лечебных мероприятий у пациентов с неопределенно долгой утратой сознания, пребывающих в «стабильном вегетативном (растительном) состоянии», так и по поводу *активной эвтаназии*, т.е. тех действий врачей, которые непосредственно ведут к смерти больного (например, в виде смертельной инъекции, вследствие чего данная форма эвтаназии иногда называется также «смерть на игле»).

Что касается отечественной традиции, то вплоть до начала 90-х гг. эвтаназия рассматривалась в качестве узкомедицинского феномена, оцениваемого однозначно негативно, к тому же актуального только для стран «буржуазного Запада». Как сказано в фундаментальной монографии «Медицина и общество» (1983), «в условиях социалистического общества существуют этические вопросы, касающиеся жизни и смерти, но нет основы для их правового обсуждения. У советских людей есть только одно право – право на жизнь» [2]. Широкое обсуждение феномена эвтаназии в России было инициировано в конце 80-х гг. в русле общего разворота отечественного социогуманитарного знания к «феномену человека» и деятельностью основанного академиком И.Т. Фроловым Института человека РАН.

В рамках научного дискурса проблема эвтаназии получила освещение в ходе дискуссии о предмете и статусе биоэтики в первой половине 90-х гг. [3], которая зафиксировала, что отечественные исследователи (А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко и др.) быстро усвоили ее теоретический инструментарий и вышли на уровень осмысления проблемы эвтаназии, достигнутый мировым философским сообществом. Интенсивный обмен мнениями с учетом новых общественных реалий прошел и среди профессионалов-медиков. Свою точку зрения на эвтаназию – в подавляющем большинстве положительную – высказали отечественные юристы. Пресса отразила нарастающий интерес массового сознания к проблеме, а на ТВ выступили главные врачи первых в России стационаров для умирающих больных (хосписов) А. Гнездилов и В. Миллионщикова.

На рубеже 2000 г. накал дискуссий постепенно снизился, как и количество публикаций. Это связано, с одной стороны, с тем, что проблема эвтаназии была зафиксирована в рамках биоэтики [4], благодаря чему очевидны стали следующие обстоятельства: проблема является не искусственной, но реально значимой для здравоохранения и общества в целом, она явно выходит за пределы одной только медицины, она открыта дальнейшему обсуждению и требует скорейшего решения. С другой стороны, в этом выразился удерживающийся до сих пор «паритет» между сторонниками и противниками эвтаназии, никто из которых так и не сумел выработать убедительных аргументов для подтверждения своей точки зрения и обосновать приемлемые алгоритмы решения проблемы.

Между тем расширение фактов эвтаназии, практикуемой в обход закона, актуализировало иные ее формы и даже позволило выработать классификационную «сетку» [5], где в дополнение к указанным формам выделены такие варианты, как *добровольная эвтаназия*, предполагающая выполнение просьбы самого испытывающего тяжелые физические страдания пациента об уходе из жизни (данная форма эвтаназии как раз и становится предметом углубленной проблематизации в аспекте «прав человека»), и *при-*

нудительная эвтаназия, практикуемая в отношении лиц, не способных стать субъектом осознанного выбора (младенцы, пациенты с отсутствием сознания, лица с задержкой развития и т. д.). При этом эвтаназия в добровольной ее форме не может быть приравнена к самоубийству, поскольку в отличие от самоубийства, которое представляет собой акт индивидуального волеизъявления, она предполагает содействие других лиц, в данном случае врачей [6]. Следует отметить, что в дискуссиях о легализации эвтаназии медики выступают в качестве наиболее радикальных ее противников, хотя в среде самих врачей по данным социологических опросов число сторонников и противников эвтаназии распределяется приблизительно поровну [7].

Несмотря на все усилия сторонников признания эвтаназии законной практикой, их цели были достигнуты только частично. К 2006 г. Нидерланды являются единственной страной, где, начиная с 2001 г., эвтаназия легализована полностью и широко практикуется во всех ее формах, включая активную. Аналогичный закон был принят в 2002 г. в Бельгии, но о конкретных прецедентах не сообщалось. Относительно же тех форм эвтаназии, которые связаны с отключением жизнеподдерживающей аппаратуры и прекращением лечебных мероприятий (*пассивная эвтаназия*), можно утверждать, что к ним повсеместно складывается все более терпимое отношение. В ряде стран был принят ряд постановлений, упрощающих процедуру пассивной эвтаназии, но в целом все прецеденты такого рода, как правило, становятся предметом дискуссии и нигде не стали повседневной практикой.

В Российской Федерации запрет на все формы эвтаназии обосновывается статьей 45 *Законодательства РФ об охране здоровья граждан* и статьей 105 УК РФ, где эвтаназия рассматривается как убийство, ответственность за которое предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от 6 до 15 лет.

Сложность проблемы эвтаназии обуславливается ее по меньшей мере «двусоставностью»: оставаясь принадлежностью медицины, она одновременно затрагивает вопросы правового, социального, аксиологического, есте-

ественнонаучного, религиозного порядка, будучи тем самым погружена в обширный социокультурный контекст. Несомненно, что актуализация проблемы эвтаназии стимулирована достижениями современной науки в познании закономерностей жизни и в создании технологий, позволяющих не только ограничивать «естественные» причины смерти человека, но, используя в качестве «строительного материала» сам его организм (трансплантируемые органы, стволовые клетки, генетический субстрат, клонируемая субстанция и т.д.), «протезировать» его жизненные функции [8] и ощутимо продлить его жизнь. Как следствие, жизнь и смерть все больше становятся результатом осознанного выбора [9], что требует правовой регламентации, формы которой сегодня активно обсуждаются среди специалистов. В частности, не исключена перспектива легализации так называемых «соматических прав человека» [10], которые должны будут гарантировать ему возможность свободно распоряжаться собственным телом, трансформируя его по своему усмотрению при помощи биомедицинских технологий. Сюда же, как утверждают теоретики в области права, можно отнести право на изменение пола, трансплантацию органов, употребление наркотиков и психотропных препаратов, право на искусственную репродукцию (посредством клонирования и заморозки) и в предельном случае – право на смерть посредством эвтаназии.

Таким образом, выраженная в эвтаназии антиномия между правом человека на жизнь и реализацией этого права в виде прерывания самой жизни (которая и создает саму возможность реализации) – это антропологически представленная «верхушка» тех противоречий, которые накоплены современной техногенной цивилизацией по ходу преобразования первой, «естественной» природы во вторую, «искусственную» и трансформации ее в «неорганическое тело человека». Сегодня эта «природопокорительская» стратегия, обратившись наконец и на самого человека, сделала наглядной внутреннюю противоречивость самого понятия «естественные права человека», что задает необходимость его переосмысления вместе с аксиоматизирующими предпосылками и, следовательно, пе-

реводит проблему в плоскость социально-философского рассмотрения.

Понятие «право» подразумевает и «внутреннюю» возможность индивида делать что-либо, и очерчиваемое «извне» пространство этой возможности. Т.е. право проявляется, с одной стороны, как совокупность гарантированных государством нормативов, определяющих границу личностной автономии и свободного выбора, с другой – предполагает обоснованность волеизъявления, разумность – «вменяемость» – субъекта права. Такой поворот предполагает явную или скрытую, но всегда достаточно определенную интерпретацию вопроса о *смысле жизни*: о ее сущности и ценности, о том, с какого момента жизнь человека лишается смысла, и вообще, «вменяем» ли субъект выбора на предмет смысла и способен ли он производить такую оценку. Для ответа на этот вопрос следует представить его в более широком контексте, переформулировав его в вопрос об условиях понимания человеком самого себя, о пределах рефлексивной способности субъекта современной культуры, что, в свою очередь, требует обоснования самого *понятия о человеке*, которое складывалось в европейской культуре, начиная с Нового времени.

Согласно новоевропейской мировоззренческой парадигме в ее как классических, так и неклассических вариантах человек – это дуализированное, биосоциальное, формирующееся на границе «природы» и «культуры» существо, разделенное на «душу», т. е. сознание, и «тело», т. е. организм, тяготеющий к природе, но подвластный управлению со стороны сознания. Причем в качестве гаранта уникальности «природы человека» всегда выступала «естественность» сознания во всех его теоретических интерпретациях: *cogito* Декарта, трансцендентальное априори Канта, феноменологизирующее «Я» Гуссерля и т. д. Специфицирующая человека разумность, таким образом, всегда выводилась из «природности» же, хотя и «второй», внутренней природности, более высокое качество которой определялось через противопоставление «первой», внешней природе. При этом *смыслы*, содержащиеся в *cogito*, не проблематизировались – они задавались по традиционному

типу, внерефлексивно – исходя из «очевидной» природности «человеческого естества»: построить дом, посадить дерево, вырастить сына...

Французская революция, опрокинув «старый порядок», выстроенный на базе традиционного общества, т.е. локальных форм межиндивидуального единства, в качестве основного элемента нового общественного организма выдвинула автономного индивида, гарантировав свободу его субъективной воли «правами человека» (и одновременно очертив ее пределы). Однако последовавшая затем реализация проекта Модерна, в ходе которого закон, государство, мораль все больше становились воплощением *принципа субъективности* (Гегель), обусловила окончательный распад традиционной культуры в Европе, что повлекло за собой девальвацию тех «естественных» *смыслов*, которые до сих пор структурировали сознание человека и придавали его жизни позитивное значение. Философская рефлексия, особенно в творчестве С. Кьеркегора и М. Хайдеггера, наглядно демонстрирует коллизии этого процесса и одновременно высвечивает трансформации в самопонимании агента «прав человека».

Кьеркегор впервые концептуализирует вопрос о смысле жизни новоевропейского индивида, утратившего ориентацию на традиционные ценности, и, приходя к выводу о безуспешности выстроить позитивную жизненную траекторию с опорой на ресурсы индивидуального *cogito*, констатирует дефицит и даже отсутствие в нем *смыслов*. То констатированное Кьеркегором обстоятельство, что *бес-смысленность* существования человека превращает его индивидуальное проживание в «болезнь-к-смерти» [11], в XXI в. усугубляется технологически гарантируемой «невозможностью умереть», что, например, позволяет позиционировать добровольную эвтаназию как выражение свободного выбора, отрицающего «биовласть» медицины [12].

Хайдеггер вводит *понятие о человеке* в контекст судеб всей новоевропейской культуры и приходит к выводу о том, что ее мировоззренческая призма и все соответствующие ей формы практического воплощения базируются на «метафизике», т.е. являются понятийно необос-

нованными [13]. Иными словами, само *понятие о человеке* оформляется негативно, а *cogito* обладает видимостью внутреннего содержания лишь в силу противопоставления внешней природе. Процесс техногенного «покорения природы» коррелирует со снижением удельного веса традиционно заложенных *смысловых экзистенциалов* в *cogito* субъекта автономного волеизъявления, в результате чего на их место приходит *экзистенциальная пустота*, нарастающая по мере совершенствования современной техногенной цивилизации. Сознание агента современной культуры как главного субъекта покорения природы становится все более неупорядоченным и дезориентированным. Поэтому во второй половине XX в., когда новоевропейская культура окончательно «накрывает» собой «внешнюю» природу [14] и субъект этой воли приступает к овладению собственным «внутренним» естеством, все культурные формы сдвигаются и «плывут», а сам человек, окончательно сведенный к своему телесно-организменному началу, оказывается не более чем материалом для всех форм «расходования сущего» [15], включая эвтаназию как предельный его вариант.

Таким образом, сама проблематизация феномена эвтаназии в значительной степени обусловлена исчерпанием способности дуалистической мировоззренческой парадигмы и соответствующего ей *понятия о человеке* выступать в качестве начала, аксиоматизирующего положение человека в современной культуре, задающего ему *смыслы* и понимание его прав. Учитывая обусловленную данным обстоятельством ограниченность индивидуального самопонимания и усугубляющуюся деструкцию массового сознания, *легализация эвтаназии в современных условиях представляется нецелесообразной*.

Рассматривать вопрос о введении эвтаназии в медицинскую практику и ее законодательном регулировании возможно не раньше, чем новое, соответствующее реалиям современной динамично развивающейся культуры *понятие о человеке* будет формализовано и станет доступным для перевода на конкретную правовую основу. Решение этой стратегической задачи потребует значительных трансформаций в сфе-

ре образования, воспитания и иных социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство разумной способности человека, что, в свою очередь, задает настоятельную необходимость объединения всего накопленного к сегодняшнему дню антропологического знания в составе «единой науки о человеке», создание которой, очевидно, по силам только философии – единственной из научных дисциплин способной удерживать весь теоретически представленный массив общечеловеческого опыта в составе концептуальной целостности. В ближайшей перспективе альтернативой тем рекомендациям, согласно которым проблеме человеческого страдания и безнадежных больных можно «снять» на путях легали-

зации эвтаназии, является реализация программы расширения сети паллиативной (вспомогательной, нерадикальной) медицинской помощи, включающей в себя организацию хосписов – учреждений, сочетающих в себе медицинскую, социальную и психотерапевтическую службы, участие религиозных конфессий и т. д. и концентрирующих их совокупные усилия на больном человеке с целью максимального облегчения его ухода из жизни.

В любом случае проблематизация феномена эвтаназии в современной культуре представляет собой индикатор «срыва» сложившихся форм ее социокультурного воспроизводства, одновременно указывающий на необходимость их воссоздания на новых «антропологических» основаниях.

Список использованной литературы:

1. Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы: материалы «круглого стола» [Текст] // Вопросы философии. - 1992. - №10. - С. 13; Зильбер А.П. Клинические случаи неопределенно долгой утраты сознания [Текст] / А.П.Зильбер. Медицина критических состояний: в 5 т. – Петрозаводск, 1995. - Т. 1. - С. 288-289.
2. Щепин О.П. Медицина и общество [Текст] / О.П. Щепин, Г.И. Царегородцев, В.Г. Ерохин. - М., 1983. - С. 297.
3. См.: Человек. – 1990. - № 6; 1991. - № 1. Вопросы философии. – 1992. - № 10; 1994. - № 3.
4. См.: Введение в биоэтику [Текст]: уч. пособие / А.Я.Иванюшкин [и др.]; общ. ред. Б.Г.Юдина и П.Д.Тищенко. - М.,1998. - С.280-284; Гусейнов А.А. Этика [Текст] / Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. - 1998. - С. 425-434.
5. Иванюшкин А.Я. Профессиональная этика в медицине [Текст] / А.Я.Иванюшкин. - М.,1990. - С.150-151; Рыбин В.А. Деонтологические вопросы: этика практической медицины сквозь призму проблемы эвтаназии [Текст]// Рыбин В.А., Дюкарева А.М. // Курс лекций по паллиативной помощи онкологическим больным: в 2 т.; под. ред. профессора Г.А. Новикова. - М. 2004. – Т.1. - С. 355-360.
6. Чернега А.К. Правовые проблемы эвтаназии в России [Текст] / А.К.Чернега // Медицинское право и этика. - 2001. - № 4. - С. 24, 31-32.
7. Карп Л.Л., Потапчук Т.Б. Проблема эвтаназии: «за» и «против» [Текст] / Л.Л.Карп, Т.Б.Потапчук // СОЦИС. – 2004. - № 2. - С.136-137.
8. Павленко А.Н. Искусственное и естественное [Текст]// Искусственное и естественное // Новая философская энциклопедия: в 4 т. - М.2001. – Т. 2. - С. 159.
9. Петросян М.Е. Эвтаназия как моральная и правовая проблема [Текст] / М.Е.Петросян // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. - 2002. - № 2. - С. 66.
10. Крусс И.П. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы [Текст] / И.П.Крусс // Государство и право. - 2000. - №10. - С. 43.
11. Кьеркегор С. Болезнь к смерти [Текст] / С.Кьеркегор. Страх и трепет. - М.,1993. - С. 258-262.
12. См.: Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий [Текст] - М., 2001.
13. Хайдеггер М. Преодоление метафизики [Текст] / М.Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. - М.,1993. - С.179.
14. Хайдеггер М. Вопрос о технике [Текст] / М.Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. - М.,1993. - С. 226.
15. Хайдеггер М. Преодоление метафизики [Текст] / М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. - М.,1993. - С. 188-190.